

ДАЛИ
ИСКУССТВА

ПАМЯТНЫЕ
ДАТЫ

В 1914 ГОДУ художник Константин Алексеевич Коровин одним из первых в Москве покупает автомобиль. Ну и что, скажете вы. А факт этот на самом деле примечательный. Друг Чехова и Шаляпина, Серова и Левитана, он — «Константин на всю Москву» с его удалством, размахом, щедростью талантливой натуры, проявляющейся в творчестве — будь то живопись или театральные декорации, оформление торгово-промышленных выставок или «русских сезонов» Дягилева в Париже, ставит «копейку ребром», как ставил когда-то, в начале своего пути, отправившись на первые серьезные гонорары в Италию. И это может быть. Но художник отказывает себе в мастерской ради этой дорогой и экстравагантной покупки, ибо ему кажется, что этюд, написанный из автомобильного окна, будет больше отвечать современному видению жизни, жизни, которая уже не шла спокойно и размеренно, но полетела вскачь...

Так же, много лет спустя, будет рисовать Татьяна Маврина. «Поймать солнечный зайчик» в брызгах ручья, торопливо бегущего по камням, будет стремиться Николай Кузьмин — и расскажет об этом в своей книге «Страницы былого». Поймать миг быстротекущей жизни, ее красоту, ее радость, чтобы не исчезла она в череде времеч, — запечатлеть.

В чем смысл живописи Коровина? Наверное, каждый из нас, общаясь с его произведениями, открывал для себя свой единственный смысл. Признайтесь, вам не кажется, что даже в самом шумном и душном каменном мешке города, когда задует сырой, свежий ветер, пришедший из дальних стран и называемый тоже как-то загадочно для нашего уха — шквалистый, так и хочется быстро пойти по улице, побегать, да не от холода, а от какого-то предчувствия чуда, во всяком случае — радости, как будто там, за поворотом — море? Стоя в Третьяковской галерее перед картинами Коровина, это ощущение бурно поднимается во мне, очарованном зрителе-современнике творчества (Д. Лихачев), словно я, как когда-то, в дальнейшем детстве, маленький мальчик Костя Коровин, будущий художник с мировым именем, отправившись искать свой мыс Доброй Надежды и, кажется, близка к цели. И вот он встает за поворотом...

«Красота и радость жизни, — пишет Коровин. — Передача этой радости и есть суть картины, искри моего холста, моего я. Разгадывая это и увлекаясь этой стороной моей лиры, и пошли и идут за мной многие художники. А потому-то у меня и нет картин».

Да, у Константина Коровина картин нет. Этюды, «предчувствия» картин, «предугадывания» картин... Этюды ли? Но почему эти «предчувствия» так волнуют нас? И почему, вспоминая, например, один из них, самый ранний, пришедший к нам, современному людям, однако, самым последним из всех и ставший подлинным открытием Коровина — виртуозного жанриста, этюд из коллекции Сергея Образцова «Старое гулянье в Сокольниках», совсем не думаешь о том, что это — ученический эскиз, «проба кисти», что художнику, писавшему его, всего лишь шестнадцать лет? И почти не соглашаешься с тем, что написано «Старое гулянье...», по словам С. В. Образцова, «в один присест». Односеансный этюд...

Но вот что вспоминает выдающийся советский художник, ученик Коровина, Б. Иогансон: «Однажды он (Коровин, — Е. П.) мне показал свою работу, написанную в Севастополе. Графская пристань, море. Сумерки, зажглись фонари, покачиваются мачты кораблей. «Как думаешь, долго писал?» Я гово-

рю: «Сеанса два-три». «Как бы не так — две недели. Каждый вечер ходил. Никак тень от фонаря не мог взять. Перепробовал все комбинации. Все мимо. И, наконец, в этих соотношениях жженая слоновая кость с белыми попала. И все сразу зашихло, загорелось». Иогансон заключает: «Это говорит о высокой требовательности к своему мастерству, к точности передачи состояния природы».

Любой этюд Коровина подтверждает высокую правоту этих слов.

«Я не знаю какого-либо другого художника, который был бы слит так воедино со своим творчеством, как Коровин. Художника, который бы так чест-

но и прямо смотрел правде в глаза, но никогда не усомнился в избранном пути. Искусство для Коровина — тайный подвиг... «Тайный, — утверждает он, — потому что только сам художник знает меру своего отречения от любых благ, поощрения, славы ради того, чтобы остаться верным до конца своей правде». Именно так: до конца, не изменяя себе, но находя силы вновь и вновь обращаться к природе, вновь и вновь обращаться к театру — даже тогда, когда, казалось, судьба вовсе отвернулась от художника: пожар, вспыхнувший в Большом театре, уничтожил все коровинские декорации (написанные им самим по собственным же эскизам — труд адский, долгодельный)... Впрочем, Коровин и театр — особая тема, ибо именно Коровин, сначала — в Частной опере Мамонтова, а позже — в Большом, «ввел праздник и радость для глаза в театре...», мало того — ввел новое в режиссуру оперных спектаклей, и сценические шедевры той поры — «Садко», «Сказка о царе Салтане», «Фауст» и «Золотой петушок» — возникли при самом деятельном участии художника.

Художественное наследие Коровина, прожившего долгую жизнь в искусстве, огромно. А картины? «Их взяли люди, брали, радовались, любили». (Мы вновь обращаемся к запискам Коровина.) Они, эти записки, так дивно хороши, что хочется их цитировать, читать вслух, поражаюсь глубине и ясности мысли, простоте и возвышенности слов:

«...Это я, это мое пение за жизнь, за радость — это язычество. Оттого-то я люблю... искусство, дружбу, солнце, реку, цветы, смех, траву, природу, дорогу, цвет краску, форму...»

К словам этим трудно что-либо прибавить. Это кредо. В этой ритмической прозе — весь смысл и тайна коровинского видения, ощущения мира и ключ к познанию его творчества современными людьми. Вспомним о том, какое значение придавал художник тайне в творчестве. Не случайно один из лучших рассказов Коровина назван «Тайна». И сам о себе он писал: «Это была жизнь, поразительная тайной прекрасного ощущения». А вот еще:

«За сугробами угрюмо, как глаза, светились окна, освещенные тускло огоньком. Темные избы деревни, покрытые снегом, как старухи в белых платках, смотрели из-за бугра. Приветливо было в доме моем, когда мы пришли. Человеку нужен дом, человеку нужна дружба, друзья».

К 125-летию

со дня

рождения

Константина

КОРОВИНА

В. А. СЕРОВ. «Портрет К. А. Коровина». 1891.

ведливости» (это — из записных книжек художника). А вот еще одна запись 1891 года:

«Петербург. Болит моя грудь. Люди, вы такие диние! В вас нет бога. Я художник, вся зависимость моя есть от общества, и вы не хотите обратить вашего внимания».

А ведь в этот год был написан портрет Солюд Отон, итальянской певицы, поразительной трагичности и глубины портрет (впрочем, все тот же «этюд»). Этюд, находящийся, как и многие другие произведения Коровина, в частном собрании. Вот так: через отчаяние — к радости, через непонимание — к признанию, через одиночество — к дружбе — таков путь Коровина, этого «Мозарта живописи», по образному выражению Иогансона. Коровин создал целую художественную школу, был лидером объединения «Союз русских художников», под влиянием которого сложились такие живописцы, как Архипов, Виноградов, Жуковский, Юон, Сергей Герасимов.

Критика строго судила Коровина при жизни. Строго судит порой и до сих пор «за отсутствие социальных мотивов» в живописи. Но вспомним коровинский этюд «Зимой». Лошадка, забор, изба, береза — как мало... и как много, много того, отчего вдруг зашевелит сердце. Много расскажет нам этот пейзажный этюд о людях, которые, кажется, здесь где-то рядом, лишь ненадолго зашли в избушку. А поэтический этюд «Ранняя весна»? И разве не о жизни повествуют этюды «В лодке», «Семья Поленовых за столом», «Настурции» и мой любимый — «На террасе»?.. Быть может, мои глаза ищут там больше, чем могут увидеть, но находят, находят.. А северные этюды! Вот откуда пошла мощь «окиян-моря синего», расплескавшегося потом в коровинском оформлении оперы «Садко», да так, что декорациям спектакля публика устроила овацию прежде, чем зазвучали голоса певцов и изумительная музыка Римского-Корсакова. А ведь когда-то и в театрально-декорационном искусстве, где Коровин опережал свое время, ломал устоявшиеся представления и схемы, его обвиняли в «декадентстве и невежестве». Было отчего опустить руки и записать в своем дневнике: «...Даже доходят до того, что быть со мной бояться». «Мои вещи... никому не нужны. Я продаю за гроши». Но дело между тем не прерывалось — и путь, избранный однажды, был пройден до конца. Окруженный хулой и хвалой, признанный и любимый одними и насмерть изруганный другими, изумляя мощью и удалью таланта: вот уж воистину «Константин — на всю Москву», он собирал вокруг себя выдающихся людей — Репин, Поленов, Серов, Левитан, Врубель, Шаляпин, Чехов, Станиславский... Из письма Репина Коровину (3 августа 1929 года): «...Я... восхищаюсь Вашей картиной... Bravo, маэстро! Bravo! Чудо! Какие краски... Ваш Илья Репин — коленопреклоненный... аплодирует!!! Коровину».

Аплодирует — с тремя восклицательными знаками. Радость общения с живописью Коровина

длится до сих пор — и многие из нас готовы подписаться под восторженными словами великого художника. Радость общения с творчеством, радость общения с личностью... «Когда Константин Алексеевич бывал в нашем доме на Новинском бульваре — это было радостью», — вспоминает дочь Шаляпина Ирина Федоровна. Воспоминания детства — самые непосредственные, живые, множество таких вот безыскусных, не рассчитанных на зоркий глаз публики воспоминаний, несущих в себе радость общения с Коровиным, найдем мы в записках повзрослевших детей, чьи родители были друзьями, единомышленниками Константина Алексеевича. Воедино слитый со своим творчеством, он и в жизни был человеком, близким сердцам многих людей. И на него, солнечного Моцарта живописи, как и на его «этюды», отзывались их души.

«Пейзаж не писать [без] цели, если он только красив, — замечает Коровин, — в нем должна быть история души. Он должен быть звуком, отвечающим сердечным чувствам. Это трудно выразить словом, это так похоже на музыку».

И действительно, все произведения Коровина — будь то живопись или эскиз декораций спектакля — это история его души, похожей на музыку. Души светлой, радостной, открытой, одаренной, излившейся в слове так же щедро, как в красках: 360 мемуарных очерков, рассказов, сказок, а также повесть о своем великом друге — Шаляпине — опубликовал Коровин. В них он, «чудесный писатель», рассказывает о времени и о себе самом, своем творчестве, которое, перефразируя любимое художником выражение Достоевского, «ки горит, и зажигает», но которое слишком опередило свое время, чтобы быть принято им. В одном из поздних своих писем Борису Красину, композитору и этнографу, писем с чужбины, писем горьких, суровых, исповедальных, Коровин написал следующее:

«20 лет буржуазная пресса писала и ругала меня декадентом, декадентская маэрия, невежество на сцене и прочее. Слово декадент было ново, вроде сволочи, почему-то применяли его ко мне и Врубелю. Я-то знаю, что потому, что мы были неплохие художники».

И то же время расставило все по местам. Со стен лучших музеев страны глядят на нас чудесные девушки Коровина — испанки у окна, певица Частной оперы Люботович, вся залитая солнцем хористка в голубом платье и легкомысленной шляпке, отражающая огни в мокрой мостовой бульвара Капчинов, и между героями «Настурций» вот-вот возникнет что-то, похожее, быть может, на любовь... И так — надолго, навсегда — они здесь, картины и их герои, этюды, предчувствия, жизнь...

Елена ПЛАХОВА

ДАЛИ
ИСКУССТВА

ПАМЯТНЫЕ
ДАТЫ

В 1914 ГОДУ художник Константин Алексеевич Коровин одним из первых в Москве покупает автомобиль. Ну и что, скажете вы. А факт этот на самом деле примечательный. Друг Чехова и Шаляпина, Серова и Левитана, он — «Константин на всю Москву» с его удалством, размахом, щедростью талантливой натуры, проявлявшейся в творчестве — будь то живопись или театральные декорации, оформление торгово-промышленных выставок или «русских сезонов» Дягилева в Париже, ставит «копейку ребром», как ставил когда-то, в начале своего пути, отправившись на первые серьезные гонорары в Италию. И это может быть. Но художник отказывает себе в мастерской ради этой дорогой и экстравагантной покупки, ибо ему кажется, что этюд, написанный из автомобильного окна, будет больше отвечать современному видению жизни, жизни, которая уже не шла спокойно и размеренно, но полетела вскачь...

Так же, много лет спустя, будет рисовать Татьяна Маврина. «Поймать солнечный зайчик» в брызгах ручья, торпливо бегущего по камням, будет стремиться Николай Кузьмин — и расскажет об этом в своей книге «Страницы былого». Поймать миг быстротекущей жизни, ее красоту, ее радость, чтобы не исчезла она в череде времен, — запечатлеть.

В чем смысл живописи Коровина? Наверное, каждый из нас, общаясь с его произведениями, открывал для себя свой единственный смысл. Признайтесь, вам не кажется, что даже в самом шумном и душном каменном мешке города, когда задует сырой, свежий ветер, пришедший из дальних стран и называемый тоже как-то загадочно для нашего уха — шквалистый, так и хочется быстро пойти по улице, побегать, да не от холода, а от какого-то предчувствия чуда, во всяком случае — радости, как будто там, за поворотом — море? Стоя в Третьяковской галерее перед картинами Коровина, это ощущение бурно поднимается во мне, очарованном зрителе-соучастнике творчества (Д. Лихачев), словно я, как когда-то, в дальнем детстве, маленький мальчик Костя Коровин, будущий художник с мировым именем, отправилась искать свой мыс Доброй Надежды и, кажется, близка к цели. И вот он встает за поворотом...

«Красота и радость жизни, — пишет Коровин. — Передача этой радости и есть суть картины, куски моего холста, моего я. Разгадывая это и увлекаясь этой стороной моей души, и пошли и идут за мной многие художники. А потому-то у меня и нет картин».

Да, у Константина Коровина картин нет. Этюды, «предчувствия» картин... «предгадывания» картин... Этюды ли? Но почему эти «предчувствия» так волнуют нас? И почему, вспоминая, например, один из них, самый ранний, пришедший к нам, современными людям, однако, самым последним из всех и ставший подлинным открытием Коровина — виртуозного жанриста, этюд из коллекции Сергея Образцова «Старое гулянье в Сокольниках», совсем не думаешь о том, что это — ученический эскиз, «проба кисти», что художнику, писавшему его, всего лишь шестнадцать лет? И почти не соглашаешься с тем, что написано «Старое гулянье...», по словам С. В. Образцова, «в один присест». Односеансный этюд...

Но вот что вспоминает выдающийся советский художник, ученик Коровина, Б. Иогансон: «Однажды он (Коровин. — Е. П.) мне показал свою работу, написанную в Севастополе. Графская пристань, море. Сумерки, зажгли фонари, начинают мачты кораблей. «Как думаешь, долго писал?» Я гово-

рю: «Сеанса два-три». «Как бы не так — две недели. Каждый вечер ходил. Никан тень от фонаря не мог взять. Перепробовал все комбинации. Все мимо. И, наконец, в этих соотношениях жилая слоновая кость с белыми полала. И все сразу зажило, загорелось». Иогансон заключает: «Это говорит о высокой требовательности к своему мастерству, и точности передачи состояния природы».

Любой этюд Коровина подтверждает высокую правоту этих слов.

...Я не знаю какого-либо другого художника, который был бы слит так воедино со своим творчеством, как Коровин. Художника, который бы так чест-

МОЦАРТ ЖИВОПИСИ

но и прямо смотрел правде в глаза, но никогда не усомнился в избранном пути. Искусство для Коровина — тайный подвиг... «Тайный», — утверждает он, — потому что только сам художник знает меру своего отречения от любых благ, поощрения, славы ради того, чтобы остаться верным до конца своей правде». Именно так: до конца, не изменяя себе, но находя силы вновь и вновь обращаться к природе, вновь и вновь обращаться к театру — даже тогда, когда, казалось, судьба вовсе отвернулась от художника: пожар, вспыхнувший в Большом театре, уничтожил все коровинские декорации (написанные им самим по собственным же эскизам — труд адский, долгодельный)... Впрочем, Коровин и театр — особая тема, ибо именно Коровин, сначала — в Частной опере Мамонтова, а позже — в Большом, «ввел праздник и радость для глаза в театре...», мало того — ввел новое в репертуар оперных спектаклей, и сценические шедевры той поры — «Садко», «Сказка о царе Салтане», «Фауст» и «Золотой петушок» — возникли при самом деятельном участии художника.

Художественное наследие Коровина, прожившего долгую жизнь в искусстве, огромно. А картины? «Их взяли люди: благи, радовались, любили». (Мы вновь обращаемся к запискам Коровина.) Они, эти записки, так дивно хороши, что хочется их цитировать, читать вслух, поражаюсь глубине и ясности мысли, простоте и возвышенности слов:

«...Это я, это мое пенie за жизнь, за радость — это язычество. Оттого-то я люблю... искусство, дружбу, солнце, рену, цветы, смех, траву, природу, дорогу, цвет, краску, форму...»

К словам этим трудно что-либо прибавить. Это кредо. В этой ритмической прозе — весь смысл и тайна коровинского видения, ощущения мира и ключ к познанию его творчества современными людьми. Вспомним о том, какое значение придавал художник тайне в творчестве. Не случайно один из лучших рассказов Коровина назван «Тайна». И сам о себе он писал: «Это была жизнь, паразитическая тайной прекрасного ощущения». А вот еще:

«За сутробами угрюмо, как глаза, светились окна, освещенные тускло огнем. Темные избы деревни, покрытые снегом, как старухи в белых платках, смотрели из-за бугра. Приветливо было в доме моем, когда мы пришли. Человеку нужен дом, человеку нужна дружба, друзья».

К 125-летию
со дня
рождения
Константина
КОРОВИНА

В. А. СЕРОВ. «Портрет К. А. Коровина». 1891.

ведливости» (это — из записных книжек художника). А вот еще одна запись 1891 года:

«Петербург. Болит моя грудь. Люди, вы такие диние! В вас нет бога. Я художник, вся заисимость моя есть от общества, и вы не хотите обратить вашего внимания».

А ведь в этот год был написан портрет Солюд Отон, итальянской певицы, поразительной трагичности и глубины портрет (впрочем, все тот же «этюд»). Этюд, находящийся, как и многие другие произведения Коровина, в частном собрании. Вот так: через отчаяние — к радости, через непонимание — к признанию, через одиночество — к дружбе — таков путь Коровина, этого «Моцарта живописи», по образному выражению Иогансона. Коровин создал целую художественную школу, был лидером объединения «Союз русских художников», под влиянием которого сложились такие живописцы, как Архипов, Виноградов, Жуковский, Юон, Сергей Герасимов.

Критика строго судила Коровина при жизни. Строго судит порой и до сих пор «за отсутствие социальных мотивов» в живописи. Но вспомним коровинский этюд «Зимой». Лошадка, забор, изба, береза — как мало... и как много, много того, отчего вдруг зашевелило сердце. Много расскажет нам этот пейзажный этюд о людях, которые, кажется, здесь где-то рядом, лишь ненадолго зашли в избушку. А поэтический этюд «Ранняя весна»? И разве не о жизни повествуют этюды «В лодке», «Семья Поленовых за столом», «Настурция» и мой любимый — «На террасе»?.. Быть может, мои глаза ищут там больше, чем могут увидеть, но находят, находят!.. А северные этюды! Вот откуда пошла мощь «окиян-моря синего», расплескавшегося потом в коровинском оформлении оперы «Садко», да так, что декорациям спектакля публика устроила овацию прежде, чем зазвучали голоса певцов и изумительная музыка Римского-Корсакова. А ведь когда-то и в театрально-декорационном искусстве, где Коровин опережал свое время, ломал устоявшиеся представления и схемы, его обвиняли в «декадентстве и невежестве». Было отчего опустить руки и записать в своем дневнике: «...Даже доходят до того, что быть со мной бояться». «Мои вещи... никому не нужны. Я продаю за гроши». Но дело между тем не прерывалось — и путь, избранный однажды, был пройден до конца. Окруженный хвалой и хвалой, признанный и любимый одними и насмерть изруганный другими, изумляя мощью и удалью таланта: вот уж воистину «Константин — на всю Москву», он собирал вокруг себя выдающихся людей — Репин, Поленов, Серов, Левитан, Врубель, Шаляпин, Чехов, Станиславский... Из письма Репина Коровину (3 августа 1929 года):

«...Я... восхищаюсь Вашей картиной... Браво, маэстро! Бравол! Чудо! Какие краски... Ваш Илья Репин — коленипреклонный... аплодирует!!! Коровину».

Аплодирует — с тремя восклицательными знаками. Радость общения с живописью Коровина

на длится до сих пор — и многие из нас готовы подписаться под восторженными словами великого художника. Радость общения с творчеством, радость общения с личностью... «Когда Константин Алексеевич бывал в нашем доме на Новинском бульваре — это было радостью», — вспоминает дочь Шаляпина Ирина Федоровна. Воспоминания детства — самые непосредственные, живые, множество таких вот безыскусных, не рассчитанных на зоркий глаз публики воспоминаний, несущих в себе радость общения с Коровиным, найдем мы в записках повзрослевших детей, чьи родители были друзьями, единомышленниками Константина Алексеевича. Воедино слитый со своим творчеством, он и в жизни был человеком, близким сердцам многих людей. И на него, солнечного Моцарта живописи, как и на его «этюды», отзывались их души.

«Пейзаж не писать [без] цели, если он только красив, — замечает Коровин, — в нем должна быть история души. Он должен быть звуком, отвечающим сердечным чувствам. Это трудно выразить словом, это так похоже на музыку».

И действительно, все произведения Коровина — будь то живопись или эскиз декораций спектакля — это история его души, похожая на музыку. Души светлой, радостной, открытой, одаренной, изливающейся в слове так же щедро, как в красках: 360 мемуарных очерков, рассказов, сказок, а также повесть о своем великом друге — Шаляпине — опубликовал Коровин. В них он, «чудесный писатель», рассказывает о времени и о себе самом, своем творчестве, которое, перефразируя любимое художником выражение Достоевского, «и горит, и зажигает», но которое слишком опередило свое время, чтобы быть принято им. В одном из поздних своих писем Борису Красину, композитору и этнографу, писем с чужбины, писем горьких, суровых, исповедальных, Коровин написал следующее:

«20 лет буржуазная пресса писала и ругала меня денадентом, денадентская мазня, невежество на сцене и прочее. Слово денадент было ново, вроде сволочи, почему-то применяли его ко мне и Врубелю. Я-то знаю, что потому, что мы были неплохие художники».

И то же время расставило все по местам. Со стен лучших музеев страны глядят на нас чудесные девушки Коровина — испанки у окна, певица Частной оперы Люботович, вся залитая солнцем хористка в голубом платье и легкомысленной шляпке, отражающие огни в мокрой мостовой бульвара Капуцинов, и между героями «Настурций» вот-вот возникнет что-то, похожее, быть может, на любовь... И так — надолго, навсегда — они здесь, картины и их герои, этюды, предчувствия, жизнь...

Елена ПЛАХОВА

